

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Апальковой Елизаветы Сергеевны
на тему «Типология русской магической прозы: повести и рассказы
1920-х годов» по специальности 5.9.1 — «Русская литература и
литературы народов Российской Федерации»

Апалькова выбрала для своего диссертационного исследования русскую магическую прозу 1920-х гг. Данное литературное течение представлено широким кругом авторов -- М.А. Булгаковым, А.С. Грином, С.А. Клычковым, А.И. Куприным, С.Д. Кржижановским, И.С. Лукашем, С.Р. Минцловым, П.П. Муратовым, В.В. Набоковым, Б.А. Садовским, А.В. Чаяновым, Б.М. Юльским и др. Оно хоть и находится на периферии русской литературы первой половины XX столетия, заслуживает внимания со стороны филологов. Соискательница подразделила данное течение на три направления, которые рассмотрены на примере творчества А.С. Грина (1880–1932), П.П. Муратова (1881–1950), А.В. Чаянова (1888–1937). *Предмет* диссертации -- выявление типологии русской магической прозы 1920-х гг., константных сюжетов и их мотивов, образов, а также места магической прозы в ряду фантастической и мистической литературы. В качестве *объекта исследования* выбраны произведения малых и среднего эпического жанров 1920-х гг., как правило, не попадающих в поле зрения ученых, предпочитающих анализ романов. *Новизна* рецензируемой работы состоит в введении в научный оборот большого массива произведений русской магической прозы 1920-х гг., анализе ее возникновения и эволюции ее содержательных и художественных особенностей. В диссертации также актуализируются малоизвестные историко-литературные факты (литературный кружок при Петровской сельскохозяйственной академии, членом которого являлись Чаянов и Муратов). Новым является и рассмотрение творчества видного прозаика 1920-х гг. Грина и авторов

«второго» ряда Муратова, Чаянова в необычных идеологическом и историко-литературном контекстах, а также анализ индивидуальных разновидностей их «магической» малой прозы.

Сравнительное литературоведение — ведущий научный метод диссертации, в которой сопоставляются произведения русской и латиноамериканской литератур, романтизма, реализма и модернизма в русской литературе. Е.С. Апалькова применяет в исследовании и биографический (особенно во второй главе), мифопоэтический, структуралистский методы литературоведения, метод искусствоведения, использует труды философов, психологов, психиатров.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка из 61 наименования источников, 525 -- научных работ, 72 – мемуарной и критической литературы, 53 справочной литературы и 5 – электронных ресурсов. Подобное разделение библиографии на несколько разделов уместно, однако отдельная нумерация в каждом из них нецелесообразна.

Содержание *введения* соответствует работам данного жанра.

Глава 1 *«Русская магическая проза 1920-х годов: типология, имена»* посвящена истории вопроса, исследованию необходимых теоретических понятий и терминологии. «Термин «магическая проза» – собирательный, идентифицирующий произведения, относящиеся к нереалистической прозе. Адаптация магических элементов к содержанию и поэтике художественного текста вариативна. В центре сюжета – герой-маг, способный оказывать влияние на реальный мир посредством взаимодействия со сверхъестественным» (с.25), -- таково определение ведущего в диссертации понятия. В данной главе установлены генетические связи изучаемого историко-литературного явления с зарубежной и русской классикой – английским готическим романом, прозой гейдельбергских романтиков

(братья Я. и В. Гримм, Ф. Брентано) и Гофмана, с произведениями А.А.Бестужева-Марлинского, О.М.Сомова, В.Ф.Одоевского, А.Погорельского, Н.В.Гоголя. Апалькова называет широкий круг имен и русских реалистов – предшественников создателей магической прозы: И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П.Чехова. Такой взгляд правомерен, так как учитывает, в частности, творческий метод Достоевского, определенный им самим¹. Эти наблюдения Е.С.Апалькова подкрепила утверждением И.Л. Золотарева: «писатели-реалисты в своих двухплановых произведениях, познавая мир с помощью фантастики, показывают Неведомое. И делают это при наличии первого, конкретного плана, который, будучи связанным двухплановостью со вторым планом – постижением невероятного в фантастических произведениях, косвенным образом участвует в познании действительности. Фантастика романтиков, не обладая двухплановостью, имеет только изобразительную функцию, потому ее связи с реальностью ограничены»². Прочитанное утверждение о единственной, изобразительной, функции фантастики у романтиков противоречит концепции Е.С. Апальковой. Сама она опирается на положения Е.А. Маймина и Ю.В. Манна о наличии «философской мысли» и «философского задания» у русских романтиков: «Обращение писателя к сверхъестественному мотивирует сюжеты и саму суть персонажей – выразителей философем» (с.30).

Диссертантка верно устанавливает связь повествования в рассказах и повестях русской магической прозы XX в. с поэтикой западноевропейского готического романа в области хронотопа, сюжета, таинственных событий

¹ «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив <...>». *Достоевский Ф.М.* Письма. М.-Л., 1930. Т.2. С.169.

² *Золотарев И.Л.* Концепция фантастического в реализме русских писателей (30-е–90-е годы XIX века). – Орел: ПФ «Картуш», 2014. С. 23–24.

и повторяющихся мотивов, системы персонажей и стилизации под древний манускрипт.

В параграфе 1.2. «*Мистико-философский контекст магической прозы 1920-х гг.*» представлен широкий идеологический, прежде всего религиозно-философский и историко-литературный контекст. Соискательница в качестве идеологических причин возникновения магической прозы указывает на популярность антропософии в России, работ Е.Блаватской, философии Г.Гурджиева и П.Успенского (с.41); мистические школы, действовавшие и в советскую эпоху. Так вводится в научный оборот новый историко-культурный материал. Две тенденции в литературном сознании той эпохи, интерес к сектантству и тяготение к мифу, также указаны Е.С. Апальковой в качестве причин расцвета творчества авторов магической прозы.

В данной главе убедительно охарактеризованы содержательные особенности магического и предложена типология сюжетных моделей магической прозы, основанных на разной магии. Разграничены понятия «фантастическое», «мистическое», «магическое» по отношению к произведениям, в основе которых события с вмешательством трансцендентных сил. Вместе с тем диссертантка относит ряд произведений и к мистической, и к магической прозе. Среди мнений разных ученых предпочтение отдается определению М.М. Голубкова: творческий метод Булгакова можно назвать магическим реализмом лишь «с определенной долей условности», в «Мастере и Маргарите» «прямо обосновываются» «принципы мистического реализма»³.

В диссертации предложена следующая типология фантастики: «К фантастическим сюжетам в 1920-е гг. обращались Е. Замятин («Мы», 1920), М. Булгаков («Дьяволиада», 1923; «Собачье сердце», 1925; «Роковые яйца», 1928), А.Н. Толстой («Гиперболоид инженера Гарина», 1925), С. Зяяцкий

³ Голубков М.М. Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике

(«Земля без солнца», 1925) и др. В них фантастичность выступает средством обобщения тенденций современности, через привлечение которых раскрываются ее скрытые возможности. В 1920-е гг. развиваются *разные типы фантастического*. *Научная фантастика*: В. Обручев «Плутония» (1924); А.Р. Беляев «Голова профессора Доуэля» (1925), «Человек-амфибия» (1928), «Прыжок в ничто» (1933), «Продавец воздуха» (1929), «Звезда КЭЦ» (1936), «Ариэль» (1941); Г. Адамов «Тайна двух океанов» (1939), А. Казанцев «Пылающий остров» (1940), Л. Лагин «Патент АБ» (1947); *социальная фантастика*: А. Толстой «Аэлита» (1923) и др.» (выделено нами. – Т.Д., сноска 144, с.59). Но уровни обобщения в данном фрагменте разные: первый указывает на произведения с фантастическим сюжетом, второй – на научный и социальный типы фантастики. А романы Замятина «Мы» и А.Толстого «Аэлита», как и повести М.Булгакова 1920-х гг., обладают и фантастическими сюжетами, и относятся в целом к научной и социально-философской фантастике. В ряду перечисленных произведений не упомянут замятинский «Рассказ о самом главном» (1923), где синтезированы жизнеподобный и научно-фантастический типы художественного обобщения. Эту типологию фантастики хорошо бы перенести из сноски в основной текст рецензируемой работы.

Зато художественная природа фантастического охарактеризована в диссертации научно достоверно: фантастика оторвана от реальности и связана с художественным вымыслом, фантазией писателя о будущем или утверждением существования иных миров. Исследовательница останавливается на тех свойствах фантастики, которые необходимы для выявления природы магической прозы, и опирается на известную работу Ц. Тодорова. По Апальковой, есть соседние по отношению к фантастике жанры -- готический роман, утопия и антиутопия, произведения мистической или

магической прозы, к примеру, фэнтези, где «художественная реальность в целом творится из магии» (с. 61). Вывод из сопоставления мистической и магической прозы убедителен: «и в магических, и в мистических сюжетах человек соотнесен с высшей волей, но само определение «высшая воля» в одном случае коррелирует с понятиями «маг», «оккультизм», «волшебство», «колдовство», «чернокнижник», «волхв», «жрец» и проч., в другом – с представлениями о сакральном (Боге, Богородице, ангелах, святых)» (с.63).

Апальковой выявлены общие черты магической прозы. Тонкий мир в ней воспринимается как *естественная данность*, магическая проза «претендует» на проникновение в непознанные, тайные пласты бытия. При этом чудесному не требуется логических, научных, психологических объяснений. Основополагающая категория магической прозы – мифопоэтика, определяющая ее модернистскую природу. Однако для авторов магической прозы мир самоценен как реальность, включающая в себя сверхъестественное. Их произведениям ближе мифологизм постсимволизма с характерным для него обновлением мифа.

В работе Апальковой предложена научно достоверная типология сюжетов магической прозы: сюжеты о маге-помощнике, разрушительной магии и постижении бытия.

В связи с исследованием магической прозы в диссертации ставится и теоретико-литературная проблема магического реализма как одного из путей освоения магического в литературе. В его основе *синтез повседневного и чудесного*, при котором воссоздается реально-чудесное, а сама реальность генерирует чудесное (с.71). Такая разновидность модернизма, как магический реализм, заслуживает пристального внимания литературоведов. Пока данная проблема лишь намечена, но не решена в диссертации.

Е.С. Апалькова обстоятельно охарактеризовала категорию чуда в магической прозе как проявление сверхъестественного в реальности. Выявлены *жанрообразующие мотивы* магических повестей и рассказов: пребывание героя между сном и явью, мотив небытия, опасность механизированного мира, зеркальность; оживающая магическая вещь; мотив игры; сверхсила; мотив карнавальности/театральности жизни; магический обряд. Научно достоверны выявленные жанры магической прозы: повесть, рассказ, новелла. Они присущи и другим литературным направлениям русской прозы – символистской, неореалистической и новореалистической. Но Апалькова выделяет также петербургскую повесть, итальянскую новеллу, «черты жанров авантюрного и готического романов и др.» (с.110). Однако данные жанровые разновидности окказионально авторские и в русской прозе 1920-х гг. не бытуют. «Петербургские повести» -- цикл произведений Гоголя. «Итальянская повесть» -- определение не жанровое, а тематическое. В таком случае А.К. Толстой мог бы назвать своего «Упыря» итальянской повестью, но главное в разновидностях повести все же не место действия, а жанровое содержание.

Зато убедительно охарактеризованы Апальковой сон, зеркало, оживающее изображение, портрет, карта, а также карточная игра, кукла и маги как типологические сюжетные мотивы в разных произведениях магической прозы.

Удачна глава 2 «*Особенности магической прозы А.С.Грина*», самая объемная и содержательная в рецензируемой диссертации. Здесь дан развернутый анализ рассказов 1920-х гг., в центре которых человек с его психологическим потенциалом и духовными возможностями. Выявлены черты магического реализма в малой прозе Грина 1920-х годов («Серый автомобиль», «Крысолов», «Фанданго» и др.). «Вымышленный, условный мир позволил писателю осмыслить экзистенциальные вопросы бытия и

проникнуть в подсознание героев, раскрыть их внутренний потенциал» (с.112), -- отмечает соискательница. Сочетание в сюжетах Грина реалистического и чудесного, скрытой и явной реальности дает повод выявить в его прозе погружение в глубины *сложной психики*, в определенной степени объясняющей магические ситуации (с.114-115). Типология персонажей писателя основана на отношении к магической природе мира – ее принятии («Волшебное безобразия», «Фанданго»), сомнении в существовании чудесного («Ученик чародея»), неадекватности восприятия реальности («Крысолов»). Убедителен вывод Е.С. Апальковой: «магическая проза Грина представляет собой индивидуальный творческий опыт» (с.118).

Отмечены и ключевые сюжетные мотивы магической прозы в рассказах Грина. Удачен подробный анализ рассказов «Серый автомобиль», «Фанданго» и «Крысолов». Апалькова доказывает, что Грин наделен талантом провидца: с помощью образа автомобиля характеризует техническую цивилизацию, зарождающуюся в первые десятилетия XX в. (с.144).

Исследовательница вносит вклад в изучение типологии героев русской прозы 1920-х гг., анализируя образы главных героев рассказа «Фанданго» Александра Каура и Бам-Грана. Первый -- гуманитарий, второй -- маг вроде булгаковского Воланда. Так же значительны наблюдения над течением времени в реальном и магическом пространствах Гринландии. Из всех подобных положений вырастает заключение о своеобразии психики человека и ее потенциала в магической прозе Грина. В работу вводятся интересные биографические факты: Грин был знаком с научными работами психологов, в его рассказах появляются психиатры, ученые, гипнотизеры и др., психологическую функцию имеет лексика в произведениях Грина. Один из самых загадочных русских рассказов 1920-х гг. – «Крысолов». Выводы по

анализу этого произведения помогут студентам, аспирантам, преподавателям вузов лучше понять его (с.171).

В главе 3 «*«Магические рассказы» П.П. Муратова: эстетические критерии, жанр, специфика сюжетов и персонажей»* рассматриваются произведения писателя как выражение его эстетических взглядов. «Обращение Муратова к искусству и литературе прошлых веков соответствовало задачам сохранения культурной памяти. Пассеизм в эстетических трудах и отчасти художественной прозе объясняется стремлением писателя к гармонии прошедших веков» (автореф., с.19-20), -- утверждает соискатель. В данной главе внимание Апальковой вновь обращено на своеобразие мифотворчества, жанровые и стилевые особенности малой прозы писателя. И выводы из рассмотрения данных особенностей формы убедительны.

В главе 4 «*«Романтические повести» А.В. Чаянова: литературные традиции, мотивы, типология героев, московский миф»* показано, что фантастическое как способ отражения проблем конкретной исторической эпохи характерно для поэтики Гофмана и Чаянова, у их художественных миров много общих черт, но герои русского автора *не стремятся к идеальному миру*, а напротив, зачастую обретают гармонию, вернувшись в мир реальный и одержав победу над потусторонним («Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей», «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека», «Юлия, или Встречи под Новодевичьим»). Убедительно следующее положение диссертации: Чаянов, обращаясь к поэтике Гофмана, учитывал и сентименталистскую эстетику Н.М. Карамзина. Мифопоэтика повестей Чаянова основана на образе Москвы, выступающей как фантасмагорическое пространство, в котором соискательница справедливо видит метафору послереволюционных лет.

В рецензируемой диссертации имеются и недостатки. Это неправильное библиографическое описание работы М.Храпченко на с. 7 в сноске 5, а также пунктуационная ошибка в последнем абзаце с.12, опечатки в словосочетаниях «рассказ Н.А. Карпов «Волшебное зеркало»» (нужно «Н.А. Карпова»), с.86, Л.М. Яновского вместо Яновской на с.154, но подобные недочеты легко устранить.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Апальковой Елизаветы Сергеевны на тему «Типология русской магической прозы: повести и рассказы 1920-х годов» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работе подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 — «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», а также критериям, определенным пп. 2.1 – 2.5 «Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», диссертационная работа оформлена согласно приложениям №5, 6 «Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова».

Содержание автореферата соответствует положениям и выводам диссертации. Они изложены в статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также докладах на международных конференциях 2018-2020 гг.

Апалькова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 — «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры Русского языка и истории литературы
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский политехнический университет»

Давыдова Татьяна Тимофеевна
5 апреля 2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.01.01 – «Русская литература»

Адрес места работы:

107023, г. Москва, Большая Семеновская, д. 38.

Официальный сайт

<https://mospolytech.ru>

ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»

Тел. +7 495 223 05 23

E-mail: mospolytech@mospolytech.ru

Подпись сотрудника ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»

Татьяны Тимофеевны Давыдовой
удостоверяю:
руководитель / кадровый работник